

Придуманная звезда

Полями крадётся поезд, тёмный, ночной состав,
пока не написана повесть и главный герой не стар.
Пока он на верхней полке уткнулся в подушку лбом,
ещё не завыли волки в кромешном лесу голубом.
Пока он сопит в подушку, видя сто пятый сон,
покорны Луне растущей Овен и Скорпион.
Входящий и исходящий не смеют штормить эфир,
пока не проснётся спящий в поезде пассажир.
Пока он не окунётся в тамбура черноту —
на высохшем дне колодца придумать свою звезду.
Тогда, его слову покорны, касаясь древесных крон,
отправятся с третьей платформы Овен и Скорпион.
Таинственные Плеяды изменят привычный бег,
когда их попросит взглядом очнувшийся человек.
И в небе многоэтажном, где канет он без следа,
проступит, мерцая влажно,
придуманная звезда.

Сон Каиафы

Шорох песков иудейских во тьме остыл.
Благоннадёжные смоквы приносят плод.
В этой ночи дремучей среди могил
нет никого, кто смерть свою переживёт.
Блеют на пастбищах овцы... Суров Закон.
Лишь на полях Завета растёт трава...
Каиафе всё время снится недобрый сон,
будто беглым рабам и жёнам дают права,
Храм зарастает осокой и камышом,
плещутся рыбы между семи огней.
Каиафа чует — дело нехорошо...
Очень плохо дело, если сказать точней.
Он немеет, как рыба. Песок забивает рот,
словно ветер приходит язык ему обрезать.
Если всякий плотник станет учить народ,
что он скажет Господу, глядя ему в глаза?..
Просьпается Каиафа, глотая крик,
и глазами, как в детстве, мокрыми видит он,
что обрезано всё, что надо, и цел язык,
и надёжный песок упирается в горизонт.
Но по коже гусиной продирает его мороз —
в каждом свитке — побег, растущие между строк...
И тогда он садится под смокву писать донос,
чтобы выкосить их под корень в короткий срок.
Но Господь пустыни и поля Господь — един.
В стрекотанье песчинок слышать сумеи слова:
«Встань и иди, мой Лазарь!
Встань и иди.
Иди, не оглядываясь.
Как в небо растёт трава...»

Меловые холмы
за окном вагона плацкартного.
Меловые холмы
ювенильного моря раскатами.
Налетают валы,
разлетаются птичьими стаями.
Меловые холмы
в меловом снегопаде растаяли.
Кистепёрая ночь
тяжело плавниками ворочает.
Кистепёрая ночь
выживаньем своим озабочена.
Знаешь, как нелегко
эволюции тяготы вынести?..
Кистепёрых мальков
ей ещё предстоит в люди вывести.
По рассветным холмам,
проступившим за шпалами-рельсами,
в разноцветный туман,
в неизбежное и неизвестное.
Где снегами звенит
приближение поезда скорого,
уплывают они
своё счастье искать
кистепёрое.

Странный маленький зверёк

Странный маленький зверёк не на шутку занемог, плачет, просится на руки, видно вовсе не жилец. Все проходят мимо, мимо... Отворачивают взгляд. Можно их понять, конечно, ведь никто не виноват. Ни один из нас, идущих, совершенно ни при чём, в этой повести, где каждый изначально обречён.

Страшно бедному зверьку видеть мёрзлую треску, что на рыночном лотке разлеглась, как на песке. Только мёртвая треска под ударом тесака больше вызовет эмоций, чем страдания зверька. Боль не прячут по кулькам, ГОСТа нет и ОТК... Нет цены, а значит — смысла в боли этого зверька.

Так приткнётся — не найдут, позабудется в бреду. Будет видеть луг зелёный, тихий-тихий летний луг. Норка, мама, братья, сёстры и постельки тёплый пух... Так тепло, когда все вместе... лапки... носики... хвосты... Звуки колыбельной песни прорастут из темноты. Новый день приходит тихо, на луга выходят «му»...

Только ночь неотвратимо возвращается к нему. Больше ничего не будет, луг и норка далеко. Только чёрные от боли два зрачка и шерсть торчком. Так и сгинет он в грязи, за стоянкою такси. Будет маленький зверёк втоптан в землю тыщей ног.

Встанет радуга на небе. Кто-то скажет: «Это Бог...». Перекрестится и двинет грязью рыночных дорог. Никому и невдомёк — это с нами, сволочами, тихо-тихо попрощался слабый маленький зверёк.

Дон Кихот и его команда

Рыцарь Дон Кихот Ламанчский лежит под мельницей ветряной.
Он совершил все подвиги, он умирает, ему пора домой.
Росинант щиплет тёплыми губами молодую покрасневшую траву.
Дульсинея знать не знает об этом и готовится к рандеву.
Дон Кихот смотрит в небо высокое, в небе текут облака.
Он уже не странствующий рыцарь, но об этом не знает пока.
Санчо Панса врачует раны и на рынке закупает фураж.
Их обоих знают в конторе и берут на карандаш.
Их личное дело становится толще день ото дня.
Опер приходит домой, у него большая семья —
жена, ребятишки, родители, тёща и пьяный тесть.
От всего этого оперу хочется на стену лезть.
А Дон Кихот умирает героической смертью бойца.
Он не отступил ни разу и во всём пошёл до конца.
Его Росинант становится лошадиною сиротой.
Лавочник скоро затарится конскою колбасой.
Опер закажет пива, нарежет колбасный круг.
И упадёт головою в слезах на скрещенье рук.
Он будет пить с Санчо Пансой и сморкаться в его осла
обо всех невинно погибших и тщете своего ремесла.
Он будет махать руками и кричать, что они в крови.
Превратясь в ветряную мельницу, полетит, не касаясь травы.
От семьи, что висит на шее и вздохнуть ему не даёт,
он отбудет в края далёкие, где ждёт его Дон Кихот.